

КОММУНИКАТИВНАЯ ВЛАСТЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕСТРУКТИВНОСТЬ

Н.Н. Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград

В статье анализируются деструктивные проявления коммуникативной власти в педагогическом дискурсе, в диаде «учитель – родитель». Делается вывод, что наибольшим деструктивным потенциалом при реализации педагогом коммуникативной власти обладают речевые акты угрозы, директивные и оценочные речевые акты, фонационно-просодические компоненты коммуникации (раздраженный тон, повышенный уровень громкости, авторитарная тональность), индикаторы мониторинга дискурса (игнорирование партнера по коммуникации, ограничение его коммуникативного вклада).

Ключевые слова: деструктивность, коммуникация, коммуникативная власть, педагогический дискурс, речевой акт, социальный статус.

Педагогический дискурс относится к числу популярных в настоящее время дискурсов, отличающихся особой актуальностью и притягательностью для исследователей, что подтверждается и значительным количеством публикаций, и неоднородностью трактовок его структуры.

Наиболее логичное, на наш взгляд, структурирование видов дискурсов, объединяемых гиперонимом «педагогический», представлено С.Л. Смысловой, которая в соответствии с формами педагогического общения выделяет учебную (прототипную), профессиональную и дидактическую разновидности, отличающиеся участниками, мотивами, условиями, стратегиями общения [5]. Ядром педагогического дискурса выступает учебный (дидактический в терминологии М.Ю. Олешкова [4]) тип речевого взаимодействия, ограниченный рамками образовательной среды урока (лекции / занятия). Данный вид педагогического дискурса, главными «героями» которого являются учитель и ученик, обнаруживает наибольшую степень исследованности. Вместе с тем профессиональная разновидность педагогического дискурса, коррелирующая с коммуникативными ситуациями, участниками взаимодействия в которых выступают «педагог – родитель», «педагог – педагог», «педагог – представитель власти» и под., как правило, оказывается вне фокуса исследовательского интереса.

А в действительности в этой разновидности педагогического общения «реализуются разнообразные стороны профессиональной

деятельности педагогов», направленные на организацию «образования и воспитания подрастающего поколения, а ценности соответствуют ценностям общественно-политического устройства» [5: 10]. Очевидно, что нельзя рассматривать образовательный процесс исключительно как процесс передачи аккумулированных в научных источниках знаний. По справедливому замечанию Н.С. Зубаревой, в идеале «каждый педагог должен в равной мере обладать талантом общения и мастерством передачи сообщения, но качества эти оказываются развитыми далеко не у каждого учителя, ибо в их основе лежат разные виды речевой коммуникативной деятельности и разные психические структуры способностей» [2: 8]. При этом «талант» общения подразумевает следование нормам и принципам конструктивного коммуникативного взаимодействия в соответствии с жанрово-ситуативной спецификой общения, в том числе соблюдение требований речевой культуры и речевого этикета.

Не вызывает никаких сомнений, что для современного педагога действительно важна сбалансированность навыков передачи знаний и коммуникативных умений, которые, во-первых, способствуют решению учебных и воспитательных целей, во-вторых, обеспечивают успешность взаимопонимания и взаимоотношений педагога с различными адресатами педагогической интеракции, в частности, с родителями или законными представителями учащихся.

В настоящем исследовании рассмотрим деструктивные проявления коммуникативной власти, реализуемой в диаде «учитель – родитель». В качестве эмпирического материала использовались примеры включённого наблюдения (скрипты устной речи, далее – СУР), контексты рефлексии, представленные на интернет-форумах и сайтах, а также в проведенном нами анонимном анкетировании. Респондентам было предложено ответить на вопросы, например: «Сталкивались ли Вы в общении с учителем/-ями своего ребенка с проявлениями деструктивного поведения? Если да, опишите пример деструктивного поведения учителя». Было проанализировано 228 примеров, описывающих разнообразные проявления деструктивного поведения педагога, часть из которых приводятся в данном исследовании.

Прежде всего, кратко остановимся на рассмотрении ключевых для настоящего исследования понятий.

Деструктивность не рассматривается нами как тождественное разрушительности или агрессивности понятие. Деструктивная коммуникация – тип общения, преднамеренно причиняющий собеседнику страдания, моральный и физический вред, при этом говорящий не испытывает угрызений совести или раскаяния, а в большинстве случаев ощущает удовлетворение от своих действий и сознания собственной правоты. Такой тип коммуникативной интеракции нарушает основные принципы кооперативного общения.

Основной постулат деструктивного общения можно сформулировать следующим образом: «я – хозяин положения, а мой собеседник – жертва, и причинить ей боль любыми способами – доблесть» [1: 167].

Коммуникативную власть исследователи трактуют как такой вид коммуникативного взаимодействия, который предполагает «специфический набор коммуникативных прав – прав на осуществление определенных речевых действий, на употребление того или иного типа языковых единиц, на определенный тип коммуникативного поведения, а также право распоряжаться коммуникативными действиями партнера по общению (принуждать к определенным действиям, ограничивать его вклад в коммуникацию, навязывать определенный тип коммуникативного поведения, исполнение определенных коммуникативных ролей и т.д.)» [8: 63]. К такого рода коммуникативным правам в разных ситуациях общения могут относиться: контроль за ходом общения; монополия на информацию (право на получение и сохранение в тайне информации; право на употребление директивов; право на оценочные речевые акты; право на речевую агрессию [6]).

Важно обратить внимание, что коммуникативная власть и социальный статус говорящего не являются строго коррелирующими понятиями, власть в коммуникативной интеракции не обязательно обусловлена высоким социальным статусом говорящего, она представляет собой величину переменную, которая может меняться в течение интеракции, отражая динамику развития межличностных отношений [6; 7]. Другими словами, говорящий с более низким социальным статусом может занимать лидирующую позицию в коммуникации. Доминирование в дискурсе выражается вариативным набором интерпретаций и оценочных суждений, навязыванием своих мнений, использованием некорректных приемов аргументации, различных по степени манипулятивности и агрессивности прямых или не прямых речевых актов.

Рассмотрим, какие из проявлений коммуникативной власти педагога во взаимодействии с родителем/-ями являются деструктивными.

Согласно И.С. Черватюк, в ядерной части дискурсивного поля располагаются жестко формализованные жанры, в центральной части – жанры мягкой формализации, а на периферии дискурса находятся «свободные жанры, общение в которых не ограничено формальными рамками и происходит уже вне институционального поля» [6: 189] (о дифференциации мягкой и жесткой формализации ритуального действия в зависимости от фиксированности параметров ситуации также см. [3]).

Несмотря на то, что общение в паре «учитель – родитель» не относится к общению с жесткой формализацией, в данном виде коммуникативного взаимодействия нередко обнаруживается осуществление педагогом полного контроля над ходом общения и

ограничение коммуникативного вклада родителя, что обычно свойственно для жестко формализованных жанров.

Представляется, что использование коммуникативной власти в жанре нежесткой формализации является одним из маркеров реализации деструктивной интенции педагога. При этом обращает на себя внимание статусное дистанцирование в случаях, когда родитель находится в зависимости от позиции учителя, от его решений и последующих действий. Подчинение учителю, обладателю коммуникативной власти, обусловлено заинтересованностью адресата, родителя, в благоприятном для его ребенка итоге данного коммуникативного взаимодействия. Именно поэтому в конфликтной ситуации родители предпочитают не выяснять отношений с учителем, ведь *ругаться с учителем себе дороже* (в приводимых примерах сохранена авторская орфография и пунктуация):

(1) *После майских выходных, встретили учительницу, цитирую "Почему вас не было 3 и 4 мая?" На мои сбивчивые объяснения, был получен ответ - "Прогуляли, она и так у вас УМОМ НЕ БЛЕЩЕТ". Вот, именно на этой фразе, у меня, чуть - ОБА глаза из орбит не выпали. Ну, видимо инвалидом по зрению я становиться не хотела, поэтому попрощалась, СтХ(Г)!!! <...> Учительница после вышеупомянутой фразы, мне перестала нравиться. Ответ учительницы во-первых - нетактичен, во-вторых оскорбителен для ушей родителей ребенка, почти - хамство, простое и неприкрытое!!! (mikkoZa. Форум Родительский).*

(2) *Я бы за такие слова в отношении своего ребенка даже не знаю... наверно бы драться бы полезла. И это учитель!!! Кошмар!!! Вам надо было прямо на месте потребовать ее извинений. С другой стороны, ругаться с учителем себе дороже! Наверно надо было сказать: "Мне очень неприятно и обидно, Марьяванна, слышать такие оскорбительные слова в отношении своего ребенка от человека, которого я уважала!" Повернуться и уйти. Может быть, хотя я сомневаюсь, этой "учительнице" стало бы стыдно! (Вербочка. Форум Родительский).*

Утверждение собственной значимости, лидирующей позиции – одна из наиболее частотных деструктивных тактик, которая реализуется в ряде коммуникативных приемов. Прежде всего, подобная педагогическая деструктивность реализуется с помощью ряда оценочных речевых актов, как правило демонстрирующих негативные качества ученика или комментирующих его внешность, включая речевые акты обвинения и отчитывания (1; 3; 4; 5):

(3) *учитель негативно отзываясь об умственных способностях ребенка (анкетирование);*

(4) *Всякий раз, когда общаюсь с учителем математики своей дочери, только и слышу, что она ленивая, что не сдаст ЕГЭ, что на ее памяти еще не было такого слабого ученика, а она уважаемый и опытный педагог*

с большим стажем работы. Ни одного доброго слова за несколько лет ... гадкое ощущение. Я не могу ответить тем же учителю своего ребёнка, а выслушивать колкости крайне неприятно (анкетирование);

(5) ... учитель не предлагает ничего. Каждый раз идёт поток обвинений, критики, возмущения и пр. По выяснению деталей, становится ясно, что многое она выдает в искаженном виде, что-то преувеличивает... (Fetinia. Форум b17.ru).

Как известно, конструктивно ориентированный диалог, напротив, начинается с обсуждения сильных сторон / положительных качеств учащегося, даже незначительных, которые можно обнаружить в любом ребенке. Такой коммуникативный ход позволяет снизить «защиту» родителя, стать основой кооперативного диалога и шагом к поиску совместного решения:

(6) Пока мой сын учился в начальной школе, учитель всегда видела в ребенке и положительные качества и отрицательные. Причем у учителя всегда находились слова, чтобы сказать что-то приятное маме о сыне. Сейчас учится в 11 классе, и уже несколько лет от классной не слышу ничего хорошего. Только негатив (Анонимная 56764. Форум Sakh.com);

(7) Ну я готова на формат, чтобы МЫ. Но идей как нам сотрудничать учитель не предлагает. Я так вижу ее требование: сделайте так, чтобы ребенок больше не вызывал претензией (Fetinia. Форум b17.ru).

Еще одной разновидностью самоутверждения учителя является смещение акцента с анализа конкретной проблемы, объективных причин, ее обуславливающих, на обсуждение личных качеств ученика.

(8) Несколько раз звонила классному руководителю, т.к. хотела поговорить о плохих оценках по истории. Классный руководитель ответил в грубой форме, что не собирается помогать нерадивому ученику. Это было очень обидно, потому что моя дочь учится добросовестно (анкетирование).

Нами установлено, что одним из частотных деструктивных проявлений коммуникативной власти педагога является повелительная, «учительская» тональность речи, обычно практикуемая учителем в общении с учащимися. Это ставит родителя в подчиненную позицию, противоречит идее «союзнчества», не согласуется с кооперативной стратегией поведения и неизбежно вызывает неприятие у родителя:

(9) Пришла в школу поинтересоваться успеваемостью сына. Учитель сына разговаривала со мной таким менторским тоном, будто я нашкодивший ребенок. Почувствовала себя учеником, которого отругали перед всем классом (анкетирование).

Такие просодико-фонационные индикаторы коммуникативной власти, как раздраженная / гневная интонация, повышенный уровень громкости, авторитарный тон, не терпящий возражений и под., «работающие» на реализацию деструктивной интенции, как правило

сопровождаются прескриптивными речевыми актами (наставления, увещевания и др.).

(10) *Я когда то тоже свою дочку отдала свою дочку в другую школу из-за учительницы, а то она мне заявила что нам с дочкой нужно работать так как она не слушается и делает что хочет, нужно заняться её воспитанием и это мне сказал человек который знал моего ребёнка всего несколько часов (Марианна Павлова. Форум Ека мама);*

(11) *Я точно знаю, что вы не занимаетесь дома с N. Вы бы не телевизор вечером смотрели, а с ним домашние задания делали. Вы же хотите хороших оценок?! (СУР).*

Наибольшим деструктивным потенциалом обладает властная интенция, реализуемая в речевом акте угрозы, с помощью которого говорящий обещает причинить зло своему адресату, отрицательно воздействуя на его эмоциональную сферу и стремясь вызвать чувство страха:

(12) *Я вашему сыну в жизни пятерку не поставлю (СУР);*

(13) *Учитель угрожает ученику дать на контрольной (годовой) работе столько заданий, что он не успеет и не сможет их решить (Учитель угрожает ученику);*

(14) *Мой сын ученик второго класса, учитель музыки угрожает ему тем, что она может написать заявление и меня лишат родительских прав, а его заберут в детдом, за то, что он баловался на уроке (Учитель угрожает ученику);*

(15) *Когда я звоню учителю, она унижает меня и моего ребенка. <...> Угрожает, что переведет ребенка на индивидуальное обучение (Учитель угрожает ученику).*

Речевой акт угрозы становится одним из проявлений вербальной агрессии, является отступлением от этикетных норм и безусловным нарушением норм педагогической этики. Непрямая угроза в педагогическом дискурсе демонстративно манипулятивна по своей природе, а использование ее говорящим сознательно деструктивно в своих попытках ввести адресата в дискомфортное состояние и нанести ему моральный вред:

(16) *[учительница начальных классов] сказала мне след. слова: «Мне, не 16 лет. И не надо меня учить как разговаривать и общаться. Вы почему-то не думаете, как это отразится на вашем ребенке!» (Мама. Форум Хаб мама).*

Помимо речеактовых и невербальных маркеров коммуникативной власти в пространстве педагогической коммуникации обнаруживаются индикаторы мониторинга дискурса, деструктивные проявления которых связаны с ограничением коммуникативного вклада адресата, игнорированием его вопросов, прерыванием интеракции и т.д.

(17) *Ваш ребенок рисовать не умеет, поведение у него ужасное, я вообще бы отказалась от него. А с вами мне разговаривать не о чем.....И БРОСИЛА трубку (Yaki. Форум NN.ru);*

(18) *Классный руководитель сына в общении со мной говорила много, не слыша при этом, что пыталась сказать я. Придерживалась своей позиции, не обсуждая, не аргументируя (анкетирование).*

Коммуникативная власть педагога подтверждается преимущественной монологичностью коммуникативного поведения учителя и ограниченной возможностью коммуникативного вклада родителя. Зависимая, подчиненная позиция родителя проявляется в признании властного статуса учителя, в молчаливом «принятии» модели деструктивного коммуникативного поведения, навязываемого педагогом, необходимости внешней демонстрации согласия при внутреннем неприятии ситуации.

Показателен следующий пример, демонстрирующий сочетание деструктивных проявлений коммуникативной власти педагога – директивные и инвективные составляющие речевых актов, ограничение коммуникативного вклада собеседника, повышенный уровень громкости:

(19) *Она кричала, ругалась, не дала мне сказать ни слова, даже не выслушала. И сказала: «Всё, я с ним расстаюсь. Ищите школу. Приходите и заберите документы» (Учитель угрожает ученику).*

Очевидно, что неотъемлемой частью коммуникативного поведения личности является проявление власти, лидерства в дискурсе. Однако, не все проявления коммуникативной власти обладают деструктивным потенциалом. Установлено, что в рассматриваемом типе дискурса коммуникативная власть учителя, агента дискурса, в интеракции с родителем, клиентом педагогического дискурса, характеризуется рядом деструктивных проявлений, связанных с особенностями фонационно-просодического оформления речи, директивным характером общения, мониторингом дискурса, речеактовым наполнением коммуникативного взаимодействия. Наибольшим деструктивным зарядом обладают речевые акты угрозы, наставления, отчитывания и оценочные речевые акты.

Список литературы

1. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Лингвистика. 2016, т. 20, № 4, с. 161–178.

2. Зубарева Н.С. Коммуникативная неудача как проявление деструкции педагогического дискурса. Дис. кандидата филол. наук. Иркутск, 2001, 305 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002, 477 с.
4. Олешков М.Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) // Социокультурные проблемы в образовании. Межвуз. сб. науч. трудов. М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2006, с. 62–71.
5. Смыслова С.Л. Концепт «учитель» в русском педагогическом дискурсе рубеж XIX–XX веков. Автореф. дис. кандидата филол. наук. Тюмень 2007, 23 с.
6. Черватюк И.С. Власть как коммуникативная категория. Дис. кандидата филол. наук. Волгоград, 2006, 215 с.
7. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006, с. 24–39.
8. Шейгал Е.И., Черватюк И.С. Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи. 2007, № 5, с. 63–81.

Об авторе:

ПАНЧЕНКО Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, директор института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: panchnn@yandex.ru

COMMUNICATIVE POWER AND PEDAGOGICAL DESTRUCTIVENESS

N.N. Panchenko

Volograd state social-pedagogical university, Volgograd

The article discusses the destructive manifestations of communicative power in pedagogical discourse, in the interaction of teacher and parent. It is concluded that speech acts of threat, directive and evaluative speech acts, prosodic components of communication, discourse monitoring indicators (ignoring the communication partner, limiting his communicative contribution) have the most destructive potential.

Keywords: *destructiveness, communication, communicative power, pedagogical discourse, speech act, social status.*

About author:

PANCHENKO Nadezhda Nickolaevna, Doctor of Philology, professor, Head of Chair of Linguistics, Director of the Institute of Foreign Languages, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, panchnn@yandex.ru